

БАРАНОВ Даниил Александрович,
Старший преподаватель кафедры публичного права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: Dann89818061715@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛЬНОСТЬ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается технологическая нейтральность как юридический принцип, обеспечивающий свободу выбора средств и форм обучения при одновременном сохранении конституционной обязанности государства гарантировать доступность высшего образования. Исследование построено на анализе Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Постановления Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678, приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1011, а также научных публикаций российских правоведов, содержащих статистические данные о состоянии юридического образования и цифровизации образовательной среды. Показано, что диспозитивность статьи 16 Федерального закона № 273-ФЗ и автономия образовательной организации, закрепленная в статьях 28 и 30 Федерального закона № 273-ФЗ, сами по себе не обеспечивают равный доступ к цифровой образовательной инфраструктуре. Отдельное внимание уделено статье 79 Федерального закона № 273-ФЗ, которая закрепляет специальные условия получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья, однако не конкретизирует минимальные требования к цифровой доступности. Сделан вывод о том, что технологическая нейтральность в сфере высшего образования должна пониматься как нейтральность по отношению к способам обучения при обязательности нормативно заданного результата в виде реальной доступности образовательного процесса. В заключение предложены конкретные изменения законодательства, направленные на закрепление минимальных стандартов цифровой доступности, расширение гарантий для обучающихся и снижение разрыва между формальной и фактической доступностью высшего образования.

Ключевые слова: технологическая нейтральность, цифровизация образования, высшее образование, доступность образования, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ.

BARANOV Daniil Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Department of Public Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

TECHNOLOGICAL NEUTRALITY AND ENSURING ACCESS TO HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article examines technological neutrality as a legal principle that preserves freedom in the choice of teaching tools and learning formats while maintaining the constitutional duty of the state to guarantee access to higher education. The study is based on an analysis of the Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ of 29 December 2012 "On Education in the Russian Federation", Government Decree No. 1678 of 11 October 2023, Order No. 1011 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 13 August 2020, and academ-

ic publications by Russian legal scholars containing statistical data on legal education and the digital educational environment. It is shown that the discretionary wording of Article 16 of Federal Law No. 273-FZ and the autonomy of educational organizations under Articles 28 and 30 do not by themselves ensure equal access to digital educational infrastructure. Special attention is paid to Article 79, which provides special conditions for students with disabilities but does not specify minimum standards of digital accessibility. The article concludes that technological neutrality in higher education should be understood as neutrality with respect to teaching methods, combined with a legally required outcome of real accessibility of the educational process. The final part offers concrete legislative amendments aimed at setting minimum standards of digital accessibility, expanding student safeguards, and reducing the gap between formal and actual access to higher education.

Key words: *technological neutrality, digitalization of education, higher education, accessibility of education, e-learning, distance learning technologies, Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ.*

Введение

Цифровизация высшего образования выступает не самостоятельной целью правового регулирования, а способом исполнения конституционной обязанности государства по обеспечению права на образование. В этой связи технологическая нейтральность означает недопустимость закрепления единственного обязательного технологического решения и одновременно исключает произвольный отказ от минимальных гарантий доступа к образовательному процессу. Статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на образование, а статья 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) формулирует общую государственную гарантию этого права независимо от места жительства, имущественного и социального положения [1,2]. Для сферы высшего образования данная конструкция особенно значима, поскольку цифровые формы обучения способны как расширять доступность, так и усиливать неравенство, если отсутствуют нормативно заданные параметры инфраструктурной обеспеченности.

Технологическая нейтральность в образовательном праве не тождественна технической неопределенности. Напротив, она предполагает, что законодатель оставляет образовательной организации возможность выбирать средства обучения, но связывает такую свободу с обязанностью обеспечить достижение образовательного результата на одинаковых условиях для всех обучающихся. В правовом смысле указанная модель позволяет различать допустимое разнообразие инструментов и недопустимую подмену права на образование формальной регистрацией в электронной системе. Именно поэтому анализ цифровизации следует вести от конституционного уровня к отраслевому, а затем к подзаконному и локальному регулированию, поскольку на каждом из этих уровней по-разному распределяются полномочия, обязанности и пределы усмотрения [5].

Для юридического образования вопрос приобретает дополнительную остроту, поскольку подготовка будущих юристов должна сочетать классические формы освоения доктрины и практики с овладением цифровыми правовыми сервисами, электронными базами данных и дистанционными каналами коммуникации. При этом цифровизация не должна вести к снижению требований к содержанию подготовки, так как право на высшее образование связано не только с доступом к занятию в информационной системе, но и с качеством освоения программы, которое предполагает полноценное взаимодействие обучающегося и преподавателя [5]. Отсюда следует необходимость рассмотреть действующее законодательство в части, касающейся электронного обучения, дистанционных технологий и специальных условий получения образования, а затем сопоставить его с научными данными о реальном состоянии цифровой образовательной среды.

Нормативно-правовые основы технологической нейтральности

Статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет понятия электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Электронное обучение определяется как организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу информации и взаимодействие обучающихся и педагогических работников; дистанционные образовательные технологии понимаются как образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном взаимодействии участников образовательного процесса [2].

Норма сформулирована как разрешительная, поскольку образовательная организация вправе использовать соответствующие техноло-

гии при реализации программ. Такая конструкция соответствует технологической нейтральности, но только в части выбора способа обучения; сама по себе она не гарантирует равный доступ к цифровому ресурсу, если в организации отсутствуют подходящая платформа, техническая поддержка или адаптированный интерфейс [4].

Статья 28 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет автономию образовательной организации, включая самостоятельность в выборе образовательных технологий, а статья 30 этого же закона наделяет организацию правом принимать локальные нормативные акты по основным вопросам образовательной деятельности [2]. В совокупности данные нормы создают значительный объем организационной свободы, однако эта свобода не может толковаться как право снижать уровень доступности образования. Если локальный акт допускает электронное обучение лишь формально, без обязательного резервного канала связи, без регламента замещения сбоев и без альтернативных способов участия обучающегося в занятии и контроле знаний, то такая внутренняя регламентация вступает в противоречие с целью статьи 5 Федерального закона № 273-ФЗ и с общим смыслом конституционной гарантии права на образование [2].

Особое значение имеет статья 79 Федерального закона № 273-ФЗ, посвященная организации получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами. Норма предписывает создавать специальные условия, учитывать особенности психофизического развития и состояние здоровья, а также применять адаптированные образовательные программы, специальные методы обучения и воспитания [2]. Однако для цифровой среды такое регулирование остается недостаточно конкретным. Закон не перечисляет минимальный набор обязательных цифровых решений, не устанавливает требований к совместимости платформ с программами экранного доступа, не закрепляет обязанность иметь альтернативные форматы материалов и не детализирует порядок оказания технической помощи при использовании электронных ресурсов. Следовательно, технологическая нейтральность здесь нуждается в дополнении технологической определенностью, поскольку именно она обеспечивает правовую исполнимость заявленных гарантий [5].

Конституционная и отраслевая конструкция должна также соотноситься со статьей 29 Федерального закона № 273-ФЗ, посвященной информационной открытости образовательной организации. Она обязывает размещать на официальном сайте сведения о реализуемых программах,

образовательных стандартах, численности обучающихся и других параметрах деятельности [2]. В условиях цифровизации данная обязанность приобретает особое содержание: информация должна быть не только размещена, но и доступна для различных категорий пользователей, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья. При отсутствии универсального дизайна сайта и электронных ресурсов открытость превращается в формальное размещение данных, не обеспечивающее их реального восприятия, что противоречит смыслу информационной доступности как составной части права на образование [6].

Подзаконное регулирование и локальная конкретизация

Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 (далее – Постановление № 1678) утвердило Правила применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ [3]. Документ имеет ключевое значение для рассматриваемой темы, поскольку в нем закреплены не только общие принципы применения цифровых решений, но и организационные элементы образовательной среды: информационные системы, онлайн-курсы, цифровой образовательный контент, цифровые сервисы и индивидуальное портфолио обучающегося. Тем самым подзаконный акт развивается в сторону детализации технического механизма реализации образовательного права, однако эта детализация остается преимущественно организационной и не превращается в строгий стандарт доступности.

Пункт 7 Правил, утвержденных Постановлением № 1678, предписывает обеспечить в течение всего периода обучения доступ к электронной информационно-образовательной среде независимо от места нахождения обучающихся. Пункт 8 предоставляет образовательной организации право самостоятельно определять основные средства обучения, цифровой контент, способы использования технологий и ограничения по их применению, пункт 13 возлагает обязанность обеспечить учебно-методическую помощь, техническую помощь и доступ к средствам обучения [4]. Данная модель демонстрирует сочетание нейтральности и управляемости: государство не навязывает единый продукт, но требует, чтобы цифровая форма не создавала неустранимых препятствий для освоения программы. Вместе с тем в тексте Правил отсутствует исчерпывающее описание минимальных параметров качества платформы и резервных механизмов на случай

технического сбоя, что снижает предсказуемость правоприменения и оставляет пространство для неодинаковой практики вузов.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1011 (далее – ФГОС ВО по направлению 40.03.01 Юриспруденция), закрепляет право образовательной организации применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии при реализации программы. В пункте 1.5 стандарта отдельно указано, что в отношении инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья такие технологии должны обеспечивать возможность приема и передачи информации в доступных для них формах. Эта норма важна, поскольку связывает цифровой формат не с факультативной удобностью, а с обязательным условием доступности. Однако и здесь сохраняется правовая неопределенность: стандарт не раскрывает, какие именно формы считаются доступными, и не устанавливает единых параметров совместимости, синхронности и альтернативности коммуникации [4].

Для образовательных организаций локальное регулирование приобретает особое значение, поскольку именно на уровне внутренних положений фиксируются порядок доступа к платформам, сроки загрузки материалов, формы контроля, требования к выполнению заданий и способы технической поддержки. В правоприменительной плоскости здесь возникает риск неравномерного стандарта: один университет строит смешанную модель с резервными каналами связи и доступными материалами, другой ограничивается размещением файлов и формальным журналированием посещаемости. Поскольку статья 30 Федерального закона № 273-ФЗ допускает локальное нормотворчество, именно в этой сфере необходимы более точные федеральные ориентиры, чтобы автономия не трансформировалась в разномыслие, препятствующее равному доступу [2].

Статистическая оценка и правоприменительные проблемы

Научные публикации российских правоведов подтверждают, что цифровизация юридического образования выявила не только преимущества, но и структурные ограничения. В статье Н. С. Громовой и Е. О. Пащук отмечено, что, по данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, только 60% российских университетов смогли адаптироваться к дистанцион-

ному режиму работы весной 2020 года. Это означает, что значительная часть образовательных организаций не располагала достаточным уровнем организационной и технической готовности к полноценному переходу в цифровую среду. Для правовой оценки важно не само наличие дистанционного формата, а способность системы обеспечить равный доступ к нему без потери качества и без дополнительной дискриминации обучающихся по месту проживания или уровню обеспеченности.

В той же работе приведены данные о рынке труда: в марте 2022 года количество возможных вакансий для юристов сократилось на 20% по сравнению с апрелем 2022 года и на 16% по сравнению с 2021 годом, тогда как количество резюме выросло на 7%; конкуренция за одну юридическую вакансию составила в среднем 8 человек на одно место [5]. Эти цифры свидетельствуют о необходимости готовить выпускника к работе в условиях цифрового и высококонкурентного рынка, где недостаточно только теоретического знания права. Следовательно, технологическая нейтральность в высшем образовании должна сопровождаться содержательным требованием к цифровой компетентности, но такое требование должно быть встроено в образовательный стандарт, а не оставлено на усмотрение каждого вуза.

Дополнительный статистический материал содержится в статье И. Н. Куксина. Автор указывает, что ежегодно в России свыше 150 тысяч человек получают диплом о высшем юридическом образовании [7]. Сам по себе такой масштаб подтверждает массовый характер юридической подготовки и высокую значимость единообразных гарантий доступа к образовательному процессу. В этой же публикации приведены сведения о том, что в 2008 году в России было 7,5 млн студентов, а в 2015 году – 4,7 млн [7]. Указанная динамика показывает, что система высшего образования переживала существенное сжатие контингента, а значит, доступность образования всегда зависела не только от цифровых решений, но и от бюджетных, организационных и демографических факторов. Для современной правовой ситуации это важно потому, что цифровизация не отменяет структурные ограничения, а лишь меняет форму их проявления.

Куксин И.Н. также отмечает, что доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте составляла менее 4%, что влияло на ограниченность бюджетных мест, уровень финансирования преподавателей и состояние исследовательских программ [7]. В совокупности с данными о сокращении контингента студентов и трансформации сети высших учебных заведений это позво-

ляет сделать вывод, что доступность высшего образования зависит от устойчивости публичного финансирования не в меньшей степени, чем от внедрения электронных платформ. Следовательно, цифровизация без дополнительного ресурсного обеспечения способна лишь изменить форму дефицита, но не устранить его.

Сопоставление нормативного материала и статистических данных показывает наличие нескольких правовых разрывов. Во-первых, закон допускает электронное обучение, но не вводит в федеральном законе исчерпывающего минимума цифровой доступности. Во-вторых, подзаконный акт расширяет организационные возможности, но не устанавливает унифицированные требования к устойчивости и совместимости образовательных платформ. В-третьих, стандарт по направлению 40.03.01 Юриспруденция признает возможность дистанционных технологий, но не закрепляет комплекс цифровых результатов обучения и не формализует критерии их проверки [4]. Эти пробелы не означают отсутствия регулирования как такового; напротив, они указывают на фрагментарность, при которой общие принципы сформулированы, а механизм их надежного исполнения не доведен до уровня юридической определенности.

Предложения по совершенствованию законодательства

Первым направлением изменения правового регулирования следует признать дополнение статьи 16 Федерального закона № 273-ФЗ прямым указанием на минимальные требования цифровой доступности. В законе целесообразно закрепить обязанность образовательной организации обеспечивать не только применение электронного обучения, но и доступность учебных материалов в альтернативных форматах, совместимость платформ с технологиями для лиц с инвалидностью, наличие резервных каналов взаимодействия и порядок восстановления доступа при техническом сбое [2]. Такое уточнение не нарушит технологической нейтральности, поскольку не навязывает единый программный продукт, но переведет нейтральность из декларативного состояния в юридически исполнимый стандарт.

Вторым направлением является конкретизация статьи 79 Федерального закона № 273-ФЗ применительно к цифровой среде. Закон должен содержать перечень обязательных условий, необходимых для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в электронном формате: субтитрование видеолекций, возможность альтернативной сдачи заданий, текстовые версии графических материалов, настройку

интерфейсов под программы экранного доступа и обязательную техническую поддержку [2]. В отсутствие таких норм оценка «специальных условий» остается на усмотрение образовательной организации и региональной практики, что не соответствует конституционному принципу равенства и затрудняет контроль за соблюдением прав обучающихся.

Третьим направлением является корректировка Постановления № 1678. В Правилах следует закрепить минимальные организационные стандарты: время доступности платформы, порядок уведомления о сбоях, обязательный резервный инструмент связи, требования к архивированию учебных материалов и порядок фиксации альтернативного участия обучающегося в занятии при отсутствии стабильного интернет-соединения [4]. Для образовательной организации это не станет чрезмерным ограничением автономии, поскольку речь идет не о содержании программы, а о правовых гарантиях ее исполнения. Напротив, подобная детализация позволит унифицировать практику вузов и снизить число споров, связанных с формальным исполнением цифровых обязанностей.

Четвертым направлением должна стать коррекция ФГОС ВО по направлению 40.03.01 Юриспруденция. В состав обязательных результатов освоения программы целесообразно включить цифровую правовую грамотность, включающую навыки работы с государственными и коммерческими правовыми системами, электронным документооборотом, удаленными форматами коммуникации и базовыми средствами информационной безопасности. Такое решение важно не только для цифровизации образования, но и для будущей профессиональной деятельности выпускника, поскольку современный юрист действует в электронной среде, где правовая аргументация, поиск источников и процессуальное взаимодействие все чаще осуществляются дистанционно [4].

Пятым направлением является разработка модельных локальных актов для университетов, в которых должны быть предусмотрены единые минимальные правила доступности цифрового обучения: порядок публикации материалов, регламент обратной связи, график консультаций, правила замены аудиторной формы дистанционной при вынужденном переходе, а также алгоритм предоставления технической помощи [8]. Такие акты могут быть рекомендованы Министерством науки и высшего образования Российской Федерации как типовой инструмент, не отменяющий автономию вузов, но задающий воспроизводимый стандарт добросовестного поведения. В резуль-

тате локальная нормотворческая свобода будет сочетаться с правовой предсказуемостью, что особенно важно для обучающихся, чье право зависит от устойчивости цифровой инфраструктуры.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что технологическая нейтральность в условиях цифровизации высшего образования должна пониматься как правовой режим, при котором государство не предписывает единую технологию обучения, но обязывает образовательную систему обеспечить реальный, а не декларативный доступ к образовательному процессу. Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ, Постановление № 1678 и ФГОС ВО по направлению 40.03.01 Юриспруденция в своей совокупности формируют основу для такого подхода, однако действующее регулирование пока не содержит достаточного числа точных норм, обеспечивающих цифровую доступность как юридически проверяемый стандарт [2,4].

Статистические данные, приведенные в научных статьях российских правоведов, подтверждают, что проблемы цифровизации не сводятся к техническому обновлению образовательной среды. Только 60% университетов смогли оперативно адаптироваться к дистанционному режиму, при этом на рынке труда для юристов наблюдалось сокращение вакансий, рост числа резюме и высокая конкуренция за рабочие места; одновременно свыше 150 тысяч человек ежегодно получают диплом о высшем юридическом образовании, а объем и финансирование системы высшего образования остаются чувствительными к бюджетным ограничениям [9]. Следовательно, цифровизация сама по себе не устраняет барьеры доступности, а требует дополнительного правового и организационного сопровождения.

В перспективе дальнейшее развитие высшего образования в Российской Федерации будет зависеть от того, удастся ли законодателю перейти от разрешительной модели к модели минимальных обязательных гарантий цифровой доступности. При сохранении нынешнего подхода технологическая нейтральность будет обеспечивать свободу выбора средств, но не будет устранять неравенство между вузами, регионами и категориями обучающихся.

При внесении предложенных изменений возможен иной результат: цифровизация станет средством расширения доступа к высшему образованию, а не фактором его дифференциации, и правовой режим будет соответствовать не только формальной логике законодательства, но и конституционному смыслу права на образование [10].

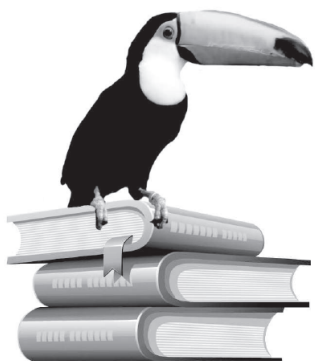
Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.
- [2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
- [3] Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 42. Ст. 7569.
- [4] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» // Официальный интернет-портал правовой информации.
- [5] Громова Н. С., Пашук Е. О. Цифровизация юридического образования: социально-правовые проблемы и перспективы // Бюллетень инновационных технологий. 2022. Т. 6. № 4(24). С. 74–78.
- [6] Марченко М. Н. Состояние юридического образования современной России и проблемы повышения качества подготовки юристов // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2017. № 3(12). С. 8–14.
- [7] Куксин И. Н. Юридическое образование в России: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2017. № 3(12). С. 40–44.
- [8] Баранова М. В. Юридическая наука и образование в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 166–169.
- [9] Краснова Г. А., Полушкина А. О. Цифровизация права на образование // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Информатика и информатизация образования». 2021. № 3 (57). С. 89–97.
- [10] Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 2. С. 25–39. DOI: 10.31249/grpravo/2022.02.02.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. Dec 25; 2020. July 4th.
- [2] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Art. 7598.
- [3] Decree of the Government of the Russian Federation of 11.10.2023 No. 1678 "On approval of the Rules for the application by organizations engaged in educational activities of e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 42. Art. 7569.
- [4] Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 13.08.2020 No. 1011 "On approval of the federal state educational standard of higher education - bachelor's degree in the field of training 40.03.01 Jurisprudence" // Official Internet portal of legal information.
- [5] Gromova N. S., Pashchuk E. O. Digitalization of legal education: social and legal problems and prospects // Bulletin of innovative technologies. 2022. T. 6. № 4(24). S. 74-78.
- [6] Marchenko M.N. The state of legal education in modern Russia and the problems of improving the quality of training of lawyers // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2017. № 3(12). S. 8-14.
- [7] I. N. Kuksin. Legal Education in Russia: Problems and Prospects // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2017. № 3(12). S. 40-44.
- [8] Baranova M.V. Legal Science and Education in the Context of Digitalization // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). S. 166-169.
- [9] Krasnova G. A., Polushkina A. O. Digitalization of the right to education // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Informatics and informatization of education." 2021. № 3 (57). S. 89-97.
- [10] Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A. Modern legal education: topical issues of the introduction of digital technologies // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. 2022. № 2. S. 25-39. DOI: 10.31249/rpravo/2022.02.02.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru